

Государственный банк – год 1917-й (заметки по поводу некоторых сюжетов фотолетописи революционной эпохи)

М. Г. Николаев,

главный эксперт Департамента международного сотрудничества и общественных коммуникаций Банка России

Исследователям, изучающим историю Банка России, предстоит предпринять еще немало усилий в работе не только с документальным, но и с иконографическим материалом. На некоторых примерах можно наглядно проиллюстрировать те проблемы, с которыми придется столкнуться, приступая к комплексному анализу изобразительных источников, отражающих банковское прошлое.

В книге В. Лиходедова, первым предпринявшего попытку собрать под одной обложкой почтовые фотооткрытки, отражающие историю главного банка страны, опубликована и фотооткрытка из серии «Мирная манифестация 17 декабря 1917 г. в Петрограде». Публикатор, разглядев в тексте одного из транспарантов, которые несли демонстранты, словосочетание «Государственный банк», снабдил открытку авторским названием: «Санкт-Петербург (Петроград). Служащие Государственного банка на мирной манифестации. 17 декабря 1917 года». Однако,

27. Санкт-Петербург (Петроград). Служащие Государственного банка на мирной манифестации. 17 декабря 1917 года

всмотревшись в текст транспаранта, можно легко прочитать его полностью: «Служащие Госуд. Банка. Саботажникам – проклятие народа»¹. Вне всякого сомнения, если попавшие в объектив фотокамеры демонстранты и принадлежали к категории банковских служащих, то они относились к их низшему разряду (курьеры, счетчики), часть которых согласилась сотрудничать с новой властью. И протестуют они в этом случае против поведения чиновничества, включая прежде всего своих же коллег – банковских служащих высших разрядов, ответивших большевикам на захват власти забастовкой. Без этого пояснения, отраженного в названии, смысл события, запечатленного

на фотооткрытке, остается неясным, более того – при неточной формулировке названия – искажается.

Определение «мирная» также нуждается в уточнении, так как относится не столько к характеру демонстрации, как можно подумать, а к ее заявленным целям. Демонстрация задумывалась в период, когда советская правительственная делегация во главе с наркомом по иностранным делам Л. Д. Троцким вернулась в Петроград из Бреста, где вела переговоры о заключении мирного соглашения с Германией². Они были прерваны до 26 декабря. Согласно заявлению главы российских переговорщиков, союзным державам было дано время для того, чтобы присоединиться к переговорам, которые могли иметь для них негативные последствия в силу сепаратного характера договора.

По информации газеты «Наш век» (печатного органа кадетской партии), 16 декабря в российскую столицу прибыла австро-германская делегация численностью около 40 человек во главе с графом Мирбахом, будущим германским послом в Советской России. Она присоединилась к ранее приехавшей германской «морской делегации»³.

Очевидно, в связи с этим на пленарном собрании ЦИК рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и было принято решение о проведении демонстрации в Петрограде и других городах страны.

В передовой «Правды» от 16 декабря напечатано обращение ЦК РСДРП(б), Петроградского комитета РСДРП(б), Военной организации при ЦК РСДРП(б). Среди публикуемых от имени Петроградского совета лозунгов демонстрации первыми следуют: «Да здравствует всеобщий демократический мир, да здравствует международная революция труда! Долой международный империализм – да здравствует III Интернационал. Рабочие, солдаты всех стран, требуйте немедленного мира». Вместе с ними упоминаются и те, что имеют отношение к нашему сюжету: «Беспощадная борьба с саботажниками. Саботажникам революции – проклятие народа»⁴.

Последний из лозунгов и присутствует на транспаранте, который виден на фотооткрытке. Газета опубликовала подробный план проведения мероприятия. Колонны, состоящие из представителей рабочих и воинских частей, должны были идти, группируясь по районам. Каждая имела свой маршрут, место конечного сбора – Марсово поле.

В день демонстрации «Правда» вышла с крупно набранным текстом: «Сегодня рабочие, солдаты и крестьяне, все честные граждане демонстрируют на улицах Петрограда за мир и братство народов... Все на улицу! Против бойни

народов, против буржуазного грабительства, против предательской и бесчестной печати, против саботажников – лакеев капитала!». Демьян Бедный дополнил обращение куплетами на злобу дня, в одном из которых говорилось:

Смотрят хмуро дворцы и палаты,

Банков сомкнута хищная пасть.

Люд рабочих, крестьяне, солдаты,

Укрепляйте народную власть!⁵

Описание состоявшейся в воскресный день демонстрации, закончившейся около 3 часов дня, можно найти в газетах разной политической ориентации. Кадетская «Наш век», несмотря на враждебность к большевикам, отметила массовость этой акции, признав, в частности, что «демонстрация василеостровских рабочих давала внушительное впечатление». «Много сторонников, – говорится в тексте репортажа, – оказалось у большевиков в фабрично-заводском Выборгском районе, шествие которого заняло почти весь Лиговский проспект. Здесь преобладали подростки и женщины, было много чернорабочих и вооруженных (!!! – М. Н.) красногвардейцев. Плакаты демонстрантов гласили: «Долой буржуазную украинскую раду», «Долой саботажников», «Да здравствует совет народных комиссаров» и т. д. Были плакаты и анархистов (черные) с надписью «Долой власть»⁶.

Несмотря на признание «внушительности» манифестации (по оценке газеты – около 60 тыс. человек), редакционные работники сочли возможным еще раз взять под сомнение массовость участия в ней непосредственно рабочих. «Вообще надо заметить, что в «мирной» демонстрации, – говорилось в тексте, – преобладали солдаты, которые в данном случае выполняли приказ главнокомандующего Петроградского военного округа». Отмечались «полное отсутствие интеллигенции» и преобладание в рабочих рядах подростков⁷.

Постаралась принизить значение демонстрации и оппозиционная большевикам «Новая петроградская газета». В заметке о состоявшемся шествии сообщалось: «Воскресная демонстрация за мир большого успеха не имела. Стоило побывать на Марсовом поле, чтобы убедиться, что в тройных рядах двигающихся мимо братских могил рабочих не было подъема. Путиловский завод, с несколькими десятками тысяч рабочих, был представлен группой из 500–600 человек... Из полков не участвовали в демонстрации: Семеновский, Преображенский, Стрелковский, Измайловский, Петроградский и др. С оркестром музыки шел Павловский полк, самокатчики и, как говорят, 9-й запасной кавалерийский полк, во главе которого ехал верховный главнокомандующий товарищ Крыленко. В два часа манифестанты обошли Марсово поле и расходились по домам»⁸.

Ко дню демонстрации в банковской среде сложилась напряженная ситуация. В ответ на захват частных банков утром 14 декабря и позже принятый декрет ВЦИК об их национализации на заседании Совета уполномоченных петроградской организации Кредиттруда (профсоюза работников кредитных учреждений) в тот же вечер было принято решение о забастовке. Ее руководство поручалось Центральному стачечному комитету, обращение которого к служащим кредитных учреждений было опубликовано на следующий день – 15 декабря⁹. В Государственном банке к этому времени ситуация выглядела следующим образом. Еще 13 ноября на общем собрании сотрудников Государственного банка

только курьеры, охрана, вахтеры и дворники подписались под резолюцией о подчинении Советской власти, большинство остальных отказалось это сделать¹⁰. На следующий день, 14 ноября (при участии свыше 1000 человек) большинством в 945 голосов против 5 была принята резолюция, в которой говорилось об отказе подчиняться назначенным новой властью комиссарам и объявлялась трехдневная забастовка, которую решено начать со следующего дня. Т. Шидловская, работавшая в купонном отделе Петроградской конторы Государственного банка, вспоминала, что сначала в первые послеоктябрьские дни «рано кончали работу, а 14 ноября забастовали»¹¹. Вечером 15 ноября стачечный комитет Госбанка объявил о продолжении забастовки «впредь до изменения создавшегося положения»¹².

3 декабря основная масса госбанковских служащих приняла решение бастовать до даты фактического открытия Учредительного собрания. В этот же день противники саботажа и вновь принятые сотрудники устроили альтернативное собрание, на котором был избран Временный комитет служащих из 15 человек. При нем была организована большевистская фракция. 15 декабря новые служащие Госбанка (их насчитывалось уже 500 человек) на общем собрании избрали Комитет служащих, которому ранее Временный комитет передал свои полномочия¹³. По утверждению А. М. Гиндина, еще в конце ноября «в «Правде» начали печататься резолюции низших служащих Госбанка и Главного казначейства, в которых активные саботажники объявлялись врагами народа. Об этом же писали в «Правду» отдельные служащие, приступившие к работе и призывавшие к тому же своих товарищей»¹⁴.

Не исключено, что в организованном потоке демонстрантов оказались активисты из числа лояльных Советской власти служащих Государственного банка, но с не меньшей вероятностью транспарант с лозунгом, утвержденным накануне организаторами акции, мог оказаться и в руках тех, кто никакого отношения к работе в банке не имел. При отсутствии строгих доказательств, очевидно, будет более правильно ограничиться лишь предположениями.

Но как бы то ни было, само стремление выявить фотодокументы, относящиеся к истории банка, среди тех, кто на эту связь прямо не указывают, заслуживает положительной оценки.

Госбанковские служащие запечатлены на другой близкой по времени создания фотографии, которую нетрудно обнаружить в Интернете. Несмотря на ее присутствие в виртуальном пространстве, а иногда и в печатном воспроизведении, атрибуция фотографии отсутствует. Место действия – Петроград – сомнений не вызывает. Датировать фотографию можно периодом 28 ноября 1917 г. – 5 января 1918 года.

Лозунг «Вся власть Учредительному собранию!» после победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде воспринимается не иначе, как противопоставление новой власти, власти Советов. К этому призывали IV съезд партии социалистов-революционеров (26 ноября – 5 декабря) и Чрезвычайный съезд РСДРП (объединенной) (30 ноября – 7 декабря). Действующая после роспуска нелегально Петроградская городская дума объявила 28 ноября, когда по решению Временного правительства должно было открыться Учредительное собрание, днем национального всероссийского

праздника. Российская Академия наук, Советы Петроградского университета и других столичных вузов призвали передать власть этому выборному органу. 28 ноября поддержать это требование к Таврическому дворцу пришли до 100 тыс. манифестантов (их оппоненты называют цифру 10 тыс.).

В воскресенье 26 ноября чиновники Государственного банка собрались в здании Фондовой биржи и постановили 28 ноября работы не начинать, забастовку продолжать. На следующий день, 27 ноября и руководители частных банков на своем совещании вынесли решение, гласившее: «Имея в виду, что в день открытия Учредительного собрания занятия совершенно невозможны, считать 28 ноября днем неприсутственным и служащих освободить от явки». Оно позволяло чиновникам на «законных» основаниях принять участие в демонстрации в защиту Учредительного собрания¹⁵. Среди организаций и учреждений – участников прошедшей демонстрации были упомянуты и служащие Государственного банка. «У каждой группы манифестантов, – сообщала газета «Наш век», – было свое знамя. На знаменах развевались надписи: «Вся власть Учредительному собранию», «Да здравствует Учредительное собрание», «Спасите Россию»¹⁶. «Известия», характеризую состав участников демонстрации, отметили присутствие в толпе чиновников-саботажников¹⁷. Эти детали делают дату 28 ноября предпочтительной при датировке фотографии. Используя снимок в качестве иллюстрации для своей статьи о Всероссийском Учредительном собрании в «Энциклопедическом словаре Санкт-Петербурга» А. М. Кулегин (опять-таки без указания места хранения) придерживается именно такой точки зрения¹⁸.

Вторая массовая демонстрация в поддержку Учредительного собрания состоялась в день его открытия 5 декабря 1918 г. В утренние часы демонстранты собрались на девяти сборных пунктах. Двигаться к Таврическому дворцу колонны должны были, предварительно соединившись в районе Марсова поля. Большевистским активистам удалось накануне ночью вывести из строя броневики, которые предполагалось использовать для сопровождения демонстрантов. В результате применения против них оружия погибло 12 человек, ранено – не менее 20¹⁹.

Известна и фотография, на которой изображена толпа перед зданием с вывеской II отделения Народного банка, перекрывающей старую вывеску одного из коммерческих банков. На порталах, разместивших ее в Интернете, подпись

к ней отсутствует. Понятно, что снимок выполнен после выхода Декрета СНК от 14 декабря 1917 г. о национализации частных банков. В первой половине января 1918 г. было решено из бывших коммерческих банков создать четыре отделения Народного (бывшего Государственного) банка²⁰. Во II отделение, располагавшееся в здании, принадлежавшем Сибирскому торговому банку (Невский проспект, 44), вошли Петроградские отделения Московского и Московского купеческого банков, Русско-Английский, Русско-Голландский, Русско-Французский и Сибирский торговый банки. Позже в это отделение был передан и Золотопромышленный банк²¹.

Изображенное на фотографии здание принадлежало Петроградскому отделению Московского купеческого банка (Невский проспект, 46). На аналогичной фотографии, сделанной в другом ракурсе, отчетливо виден номер дома²².

Интересно, что Председателем правления банка в 1903–1917 гг. был Александр Данилович Шлезингер, который позже, с 19 октября 1921 г., стал членом Правления Госбанка РСФСР. А комиссаром Петроградского отделения банка, здание которого было захвачено воинским отрядом, был назначен служащий Петроградского Торгового банка И. В. Иорш, впоследствии руководивший рядом контор Госбанка СССР (последняя должность – исполняющий обязанности начальника ревизионного управления Госбанка СССР)²³.

Напомним, что в этом же здании (Невский проспект, 46, кв. 19) располагалось и помещение Кредиттруда²⁴. Знание всех этих деталей расширяет возможности использования рассмотренных фотографий в различных тематических контекстах. Данное обстоятельство крайне важно учитывать при подготовке иллюстрированных печатных изданий или при разработке музейных экспозиций.

Уточняя датировку фотографий советского времени с «размытыми» хронологическими границами, необходимо обращать внимание на запечатленные в кадре детали одежды, предметы быта, лозунги с цитатами вождей и пр. Иногда они способны помочь внести необходимые коррективы. Пока же повышение качества научной атрибуции изображительных источников по истории Банка России остается весьма актуальной задачей. Обозначенные в статье проблемы, с которыми продолжают сталкиваться исследователи, еще раз напоминают нам о необходимости своевременного и максимально полного описания фотоматериалов новейшего времени, в том числе и тех, что отражают недавнюю и сегодняшнюю жизнь главного банка страны. ■

¹ Лиходедов В. Государственный банк Российской империи на почтовых открытках конца XIX – начала XX века. Минск, 2010. С. 23. В 4-томном издании собрания М. А. Воронина опубликованы пять открыток, отражающих события 17 декабря 1917 г. в Петрограде, однако та, что приводится в издании В. Лиходедова, отсутствует (См.: Коллекция почтовых карточек советского периода с 1917 по 1945 г. из собраний М. А. Воронина. Каталог. Т. 1. СПб., 2009. С. 71, 72).

После слова «служащие» можно разглядеть следы еще каких-то знаков. Что это – исправления или позднейшая ретушь, сказать трудно.

² См.: Наш век. 1917. 19 декабря. № 17. С. 2.

³ Наш век. 1917. 17 декабря. № 16. С. 3. В своих дневниковых записях от 16 декабря 1917 г. З. Н. Гиппиус отметила: «Приехали открыто, в экстренных поездах, всякие немцы высокого положения – для «ознакомления с внутренним положением России». (Это не я говорю, в виде иронии, это официально напечатано!) Приехали до 150 человек, в два, пока, приема. (Да здесь их, вооруженных, около 800.)» – «Черные тетради» Зинаиды Гиппиус // Звенья: Исторический альманах. Вып. 2. М.–СПб., 1992. С. 35.

⁴ Правда. 1917. 16 декабря. № 216. С. 1. В дневниках З. Д. Гиппиус 16 декабря 1917 г. отмечается: «Завтра наша властвующая Сволочь решила показать лицом предложенный товар. Устраивает демонстрации «правительства» и «торжествующего народа», «ликующих подданных». Строго воспрещено вмешиваться не ликующим. Заранее арестовываются те, кто, по теории вероятия, ликовать не будет. Объявлены соответственно похабные лозунги: «Смерть буржуям, калединцо-корниловцам» и т. д.» – «Черные тетради» Зинаиды Гиппиус // Звенья: Исторический альманах. Вып. 2. М.–СПб., 1992. С. 36.

⁵ Правда. 1917. 17 декабря. № 217. С. 1.

⁶ Наш век. 1917. 19 декабря. С. 3.

⁷ Еще раз отмечена главная цель организованного большевиками мероприятия: «Эта демонстрация по сведениям Смольного института, сыграла международную роль и особенно сильное впечатление произвела на центральные державы, представители которых в настоящее время находятся в Петрограде и имели возможность видеть мощный порыв стремления петроградского пролетариата и гарнизона к миру». – Наш век. 1917. 19 декабря. С. 3.

⁸ Новая петроградская газета. 1917. 19 декабря. № 14. С. 3.

⁹ Гиндин А. М. Как большевики национализировали частные банки. М., 1962. С. 56.

¹⁰ Гиндин А. М. Как большевики овладели Государственным банком. М., 1961. С. 45.

¹¹ Ткаченко Д., Шидловская Т., Лебедев Н., Ральцевич П., Шидловский Г. События в Государственном банке в дни октябрьской революции // Красная летопись. 1923. № 6. С. 336, 337.

¹² Гиндин А. М. Как большевики овладели Государственным банком. М., 1961. Л. 48, 49. Печатный орган эсеров приводит схожие цифры результатов голосования (949 «за» и 5 «против»). – Воля народа. 1917. 15 ноября. С. 3. Ср. с описанием ситуации в Государственном банке «Правдой», которая цифру 1000 человек относит только к числу отказавшихся принимать участие в забастовке. В номере от 17 ноября 1917 г., очевидно, выдавая желаемое за действительное, газета пыталась уверить своих читателей в том, что «забастовка была решена незначительным большинством, под давлением, главным образом, средних чиновников». (Правда. 1917. 17 ноября. С. 3).

¹³ Гиндин А. М. Как большевики овладели Государственным банком. М., 1961. С. 92.

¹⁴ Там же. С. 75.

¹⁵ Гиндин А. М. Как большевики национализировали частные банки. М., 1962. С. 23.

¹⁶ Наш век. 1917. 30 ноября. № 1. С. 2.

¹⁷ Газета писала: «Демонстранты состояли из публики, обыкновенно гуляющей по Невскому, и всех, оставшихся не у дел партийных деятелей эсеров и меньшевиков, чиновников-саботажников, адвокатов, мародеров-спекулянтов... В «демонстрации» этой бросалось в глаза отсутствие рабочих и солдат. Даже громкие лозунги на плакатах не обманули рабочих и солдат. Были плакаты: «Вся власть Учредительному собранию», «Мира», «Землю трудовому крестьянству», «Контроль рабочих над производством», красные знамена, звуки марсельезы, которую играли оркестры, тоже не помогло». – Известия. 1917. 29 ноября. № 239. С. 2.

¹⁸ URL: <http://encspb.ru/object/2804022934>.

¹⁹ Протасов Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997. С. 263, 264, 279, 271, 272, 306.

²⁰ История Банка России 1860–2010. В 2 т. Т. 2. М., 2010. С. 46.

²¹ Гиндин А. М. Как большевики национализировали частные банки. М., 1962. С. 79.

²² В очерке по истории Санкт-Петербургской конторы Государственного банка, где воспроизведена фотография, вместо дома № 46 ошибочно указан № 44. См.: Смирнова Н. И., Чеснокова А. Н. Санкт-Петербургская (Петроградская) контора Государственного банка (1894–1918). Исторический очерк. СПб., 2001. С. 63.

²³ Гиндин А. М. Как большевики национализировали частные банки. М., 1962. С. 52.

Ершов (Иорш) Илья Вениаминович (1897–1938) родился в г. Люцин (ныне Лудза, Латвия). По профессии банковский

служащий. Свободно владел немецким языком. Член ВКП(б) с 1918 г. С 1912-го по 1917 г. – курьер-конторщик и бухгалтер в частной банкирской конторе и Петроградском Торговом банке. Руководил захватом Петроградского отделения Московского купеческого банка (предшествовавшим принятию декрета ВЦИК о национализации частных банков), с 14 декабря 1917 г. по июнь 1918 г. – комиссар банка. С 1918 г. в Особой бригаде 3-й армии, с 1919 г. в Особом отделе ВЧК. С 1920-го по 1921 г. – заместитель заведующего отделом кредитных билетов Наркомфина, с 1921-го по 1925 г. – заведующий отделом дипломатической связи в представительстве СССР в Германии. В 1925–1926 гг. – помощник заведующего валютно-фондовым отделом Госбанка, а затем его заместитель, с 1926-го по 1928 г. – товарищ управляющего Среднеазиатской конторы Госбанка. В феврале 1928 г. по решению ЦК ВКП(б) переброшен управляющим Белконторой Госбанка СССР (вступил в должность 3 марта 1928 г.). В январе 1930 г. Постановлением Бюро ЦК КП(б) Белоруссии мобилизован на работу в деревню. Госбанк СССР категорически возражал против снятия в разгар кредитной реформы Ершова без согласия Госбанка и добился письма ЦК КП(б) с требованием дать «исчерпывающее объяснение о причинах снятия... и сообщить... о возможности изменить решение». В итоге бюро ЦК на заседании 15 февраля 1930 г. было вынуждено отменить посылку Ершова для постоянной работы в колхоз. Однако разногласия с республиканским Наркомфином по поводу крупного кредитования бюджета заставили Ершова обратиться лично к председателю правления Госбанка СССР Ю. Пятакову с просьбой ускорить разрешение вопроса о его переводе в Саратов, ввиду невозможности работы в Белконторе, а «сюда назначить свежего человека для того, чтобы к нему не было хотя бы на первое время предубежденного отношения». В итоге Ершов в июле сдал должность в БССР и 3 августа 1930 г. был отправлен управляющим Нижне-Волжской (Саратовской) конторой Госбанка СССР, откуда в 1932 г. был отозван и направлен финансовым советником в ранге заместителя председателя правления Монголбанка. С 22 августа 1937 г. – исполняющий обязанности начальника ревизионного управления Госбанка СССР. В октябре 1937 г. снят с работы, 9 декабря арестован. 10 марта 1938 г. осужден и в тот же день расстрелян. Место захоронения – Московская область, поселок Коммунарка. Реабилитирован в июне 1956 года.

²⁴ Гиндин А. М. Как большевики национализировали частные банки. М., 1962. С. 67.